

Правозащитный центр “Мемориал”
Информационный центр по правам человека в
Центральной Азии

Виталий Пономарев

Угроза “исламского экстремизма” в
Узбекистане: мифы и реальность

Москва, октябрь 1999

Издание осуществлено на средства гранта **National Endowment for Democracy**, а также при поддержке **Central Asian Human Right's Information and Monitoring Network**

При перепечатке ссылка на источник обязательна.

По вопросам получения изданий обращайтесь в **Информационный центр по правам человека в Центральной Азии** (г.Москва)

тел. (095) 432-34-77 Пономарев Виталий Анатольевич

e-mail: V.Ponomarev@mtu-net.ru

а также в **Правозащитный Центр “Мемориал”**

тел. (095) 200-65-06 факс (095) 209-57-79

адрес: 103051 Россия Москва Малый Каретный пер. д.12

События последних лет в Центральной Азии и на Северном Кавказе вызвали большой поток публикаций, посвященных вопросам т.н. “исламского экстремизма” на территории бывшего СССР. К сожалению, приходится констатировать, что не только журналисты, но и т.н. “эксперты” нередко имеют весьма отдаленное представление как о государственной религиозной политике в отдельных регионах СНГ, так и о реальных процессах, происходящих в современной мусульманской среде. Более того, в последние два года средства массовой информации обрушивают на неискушенного читателя массивированные потоки лжи. Последовательно создается миф о наличии всемирного исламского заговора, якобы направленного на свержение светских режимов в ряде республик бывшего СССР, об имманентной агрессивности большинства неофициальных исламских структур, о криминальном характере ряда существующих в исламе религиозных течений и т.п.

Поскольку детальное рассмотрение этих вопросов невозможно в узких рамках одной статьи, автор счел возможным ограничиться очень кратким обсуждением нескольких конкретных тем, изложение которых в СМИ нередко сопровождается фальсификацией фактов или ложной интерпретацией происходящего. По причинам, которые будут изложены ниже, автор считает необходимым весьма критически подходить к официальной информации, имеющей первоисточником сообщения узбекских спецслужб. Достоверность подобных сообщений в силу специфического политического режима, существующего в этой стране, немногим отличается от достоверности материалов сталинского НКВД в период репрессий 30-х годов.

Следует подчеркнуть, что все нижесказанное опирается исключительно на центрально-азиатские материалы, что касается Кавказа, то этот регион никогда не был сферой научных интересов автора.

Существуют ли в Центральной Азии “ваххабиты” и как они связаны с исламским экстремизмом?

Академическое определение ваххабит-ского течения в исламе к центрально-азиатским реалиям имеет весьма отдаленное отношение. Когда примерно в 1980 г. среди элиты мусульманского духовенства Ферган-ской долины произошел раскол, очень авторитетный в неофициальных кругах Ходжи Хиндустани назвал “ваххабитами” своих идейных оппонентов. В последствие различные религиозные деятели использовали слово “ваххабит” в качестве ругательного термина – нередко без достаточных оснований... В целом, можно признать, что в советское время под воздействием арабской религиозной литературы отдельные духовные лица в Узбекистане и Таджикистане пытались ввести в религиозную практику элементы ваххабитского или ханбалитского учений, однако говорить о формировании в Центральной Азии “ваххабитских общин” в точном значении этого термина, по моему мнению, нельзя.

Примечательный парадокс: осудивший “ваххабизм” покойный Ходжи Хиндустани ныне в официальных узбекских документах именуется не иначе как основоположником “исламского фундаментализма” в Узбекистане и духовный учитель местных “ваххабитов”.

Подчеркнем, что никаких доказательств особой агрессивности или криминальности, якобы заложенных в “ваххабитской” идеологии, не существует. Соответствующее заключение дали и российские государственные структуры, изучавшие несколько лет назад этот вопрос.

Не вдаваясь в дальнейшие дефиниции, отметим, что в последние годы термин “ваххабизм” использовался в СМИ России и Центральной Азии неоправданно широко: “ваххабитами” называли многих религиозных деятелей, находящихся в оппозиции к официальным муфтиатам, сторонников таджикской оппозиции, членов существовавшей в СССР Исламской партии возрождения и... даже последователей движения “Талибан” в Афганистане. Ныне во

многих публикациях ставится знак равенства между терминами “ваххабит”, “исламский фундаменталист” и “исламский экстремист”, что лишней раз свидетельствует об уровне квалификации авторов соответствующих статей.

Кстати, “ваххабитами” нередко пытаются представить и членов существовавшей в 1991-1992 гг. в Намангане организации “Адолат”, некоторые из которых сейчас воюют в Южном Кыргызстане в отрядах Исламского движения Узбекистана (ИДУ). В действительности, организация “Адолат”, созданная при негласной поддержке местных властей для обеспечения общественного порядка и борьбы с преступностью, была ориентирована на лидеров официального духовенства Намангана, которые находились с местными “ваххабитами” в весьма натянутых отношениях. Свою верность ханифитскому (традиционному для Центральной Азии) мазхабу лидеры ИДУ вновь декларировали в заявлении, зачитанном на узбекском языке в марте этого года по иранскому радио. Однако эти факты полностью игнорируются в СМИ, вероятно, как несоответствующие сложившейся в массовом сознании концепции.

Кто совершил жестокие убийства в Намангане?

Широкая кампания борьбы с “исламским экстремизмом” в Узбекистане и в соседних республиках началась после того, как в декабре 1997 г. в Намангане было совершено убийство высокопоставленного сотрудника милиции, которому преступники отрезали голову. Узбекские власти обвинили в происшедшем “исламских фундамента-листов”.

Согласно материалам уголовного дела, убийство совершила местная банда во главе с Толибом Мамаджановым. Последний, как представляется, был психически не вполне здоровым человеком. В частности, на суде он заявил, что “с детства мечтал работать в КГБ или милиции”, поэтому, убив милиционера, он надел его фуражку и в таком виде в день убийства ходил по городу, очевидно, реализуя свои детские мечты.

Мамаджанов в своем последнем слове заявил о несогласии с политикой правящего режима в Узбекистане и осудил проводимые милицией незаконные аресты, что было использовано узбекской пропагандой для нагнетания антиисламского психоза. В печати появились публикации о том, что члены группы Мамаджанова якобы проходили обучение в террористических лагерях и действовали во взаимодействии с зарубежными экстремистскими организациями. Однако доказательств подобных утверждений в ходе следствия получено не было. Не были выявлены и какие-либо особые связи группы Мамаджанова с религиозными кругами, хотя в начале 90-х годов, по некоторым данным, сам Мамаджанов был членом организации “Адолат” (впрочем, как и 12000 других наманганцев, большинство из которых ныне является законопослушными гражданами).

Мнимые попытки дестабилизации

В 1998-1999 гг. в Узбекистане прошел ряд судебных процессов над членами уголовных банд, причастных к убийствам и ограблениям граждан. В основу обвинений была положена версия о том, что эти уголовные преступления совершались в рамках разработанного “исламскими экстремистами” масштабного плана, направленного на дестабилизацию внутриполитической ситуации. Каких-либо доказательств подобных утверждений, кроме полученных под пытками признательных показаний обвиняемых, представлено не было. Примечательно, что большинство этих преступлений вообще не вызвало какого-либо общественного резонанса среди населения.

Официальные обвинения выглядели настолько неубедительно, что зарубежные СМИ почти ничего не сообщали об этих процессах, хотя в узбекской печати тема обсуждалась достаточно широко, а соответствующие уголовные дела рассматривались даже в Верховном Суде республики.

Взрывы в Ташкенте: вопросы без ответов

За причастность к ташкентским взрывам 16 февраля уже осуждено около 80 чел., но многие вопросы по-прежнему остаются без ответа.

О том, что за взрывами стоят “исламские фундаменталисты” Каримов заявил почти сразу после совершения террористических актов, когда никакой достоверной информацией об организаторах взрыва спецслужбы еще не располагали. Между тем, многие в Узбекистане убеждены, что ташкентские взрывы были организованы клановыми группировками или инсценированы местными спецслужбами.

Изучение судебных и следственных документов не может не вызвать недоумения. Взрывчатка и детонаторы, оказывается, получены “из неустановленного следствием места”, непосредственный получатель также не найден. Доверенности на арендованные автомобили, в которые закладывалась взрывчатка, оформлялись членами прес-тупной группы за три дня до теракта на подлинные паспорта террористов в нотариальных конторах Ташкента! В обвинительном заключении речь идет о четырех взорвавшихся автомашинах, хотя ранее сам Каримов говорил о пяти. Ни словом не упоминается и взрыв в здании Кабинета Министров, о котором сообщали ведущие информационные агентства. Таким образом, следствию не пришлось искать ответ на вопрос о том, как “исламские фундамен-талисты” смогли пронести взрывчатку в это тщательно охраняемое здание.

Совершенно неубедительно выглядит и официальная версия о заказчиках преступления, которыми якобы являлись лидер Исламского движения Узбекистана Тохир Юлдашев и председатель партии “Эрк”, известный поэт Мухаммад Солих (оба проживают за рубежом). Трудно поверить, что Солих и другие активисты светской Демократической партии “Эрк” согласились на создание в Узбекистане исламского государства, а исламисты, в свою очередь, были бы готовы назначить президентом такого государства лидера

нерелигиозной партии.

Содержание разговоров при двух (за все эти годы!) встречах Юлдашева и Солиха пересказывается некоторыми подсудимыми с чужих слов и не может считаться убедительным доказательством. По крайней мере, в западном суде такое свидетельство просто не было бы принято во внимание.

Более того, в заявлении, направленном в Верховный Суд Узбекистана, Солих отрицает, что когда-либо приезжал в Афганистан для встречи с Юлдашевым и что его сын обучается в террористических лагерях в этой стране. Обратное ничем не доказано, кроме, опять-таки, пересказов чьих-то чужих рассказов одним из подсудимых, находящимся в полной зависимости от узбекских спецслужб.

Наглядным доказательством того, как демократические правительства Запада (отнюдь не симпатизирующие “исламскому экстремизму”) относятся к версии узбекских спецслужб, является недавнее решение о предоставлении Солиху политического убежища в Норвегии, оформленное, кстати, при участии соответствующих институтов ООН. И это несмотря на многочисленные заявления в прессе о том, что Солиха как организатора взрывов якобы ищет “Интерпол”!

О разного рода нестыковках в уголовном деле о взрывах 16 февраля в Ташкенте можно написать целое исследование, но ограничимся одним примером. Так, в приговоре суда утверждается, что на деньги Солиха было якобы закуплено 1,5 тонны религиозно-экстремистской литературы, призывающей к джихаду, которая была доставлена в Алма-Ату и распространялась в Узбекистане и Кыргызстане частично при участии бишкекского Комитета защиты прав мусульман. Как достоверно известно автору, религиозная литература на узбекском языке в конце прошлого года действительно поступила в Алма-Ату, но Солих, равно как “ваххабиты” или “сторонники джихада” отношения к этому не имеют. Речь идет о работах проживающего в эмиграции блестящего знатока ислама, бывшего узбекского муфтия Мухаммада-Содика Мухаммада-Юсуфа, включая его исследование об отношении ислама к проблемам семьи,

прав человека и др. По неграмотности следователей Содик (которого даже его враги никогда не называли “ваххабитом”) превратился в Солиха. Но, впрочем, выяснение подобных “мелочей” не очень-то интересует борцов с “фундаменталистами”.

Готовилась ли агрессия талибов?

Одним из наиболее сенсационных заявлений, сделанных на процессе по делу о взрывах 16 февраля в Ташкенте, являлось утверждение государственного обвинителя о том, что готовилась иностранная интервенция и оккупация “исламистами” всей территории Узбекистана. Согласно официальной версии, с юга (через Термез и через территорию Туркменистана) должны были наступать отряды Тохира Юлдашева и части талибов, а на востоке отряд Джумы Намангани должен был занять Ферганскую долину при поддержке таджикских боевиков из Ходжента. Первоначально в следственных документах утверждалось, что в интервенции должна была принять участие и “киргизская оппозиция”(?!), однако потом мифических “киргизских боевиков” из дела исключили.

Можно ли поверить в подобный сценарий?

Число находящихся в Таджикистане и Афганистане узбекских боевиков в тех же следственных документах оценивалось в 500 чел. Не надо быть военным специалистом, чтобы понять: такими силами можно начать партизанскую войну, но никак не разгромить более чем 100-тысячную армию и оккупировать страну с многомиллионным населением. Если готовилась интервенция талибов (причем не в отдаленном будущем, а вскоре после взрывов в Ташкенте), то где данные радиоперехватов, материалы спутни-ковой разведки, выражения озабоченности со стороны великих держав, спецслужбы которых также не сидят, сложа руки, и т.п. Ничего этого нет. А что есть в деле, так это, опять таки, устные показания одного-двух подсудимых, которые пересказывают в лучшем случае хвастливые байки третьего лица.

Правда и ложь о “Хизб ут-Тахрир”

На следующий день после террористических актов в Ташкенте 16 февраля министр внутренних дел Узбекистана публично заявил, что за взрывами стоит организация “Хезболлах”, являющаяся “боевым крылом” международной Исламской партии освобождения (Хизб ут-Тахрир). Многочисленные статьи на узбекском языке обвиняли членов партии в подготовке к джихаду и свержению законной власти.

Филиалы партии “Хизб ут-Тахрир”, выступающей за воссоздание всемирного исламского теократического государства – Халифата, действительно функционировали в Узбекистане с начала 90-х годов. Подчеркнем, что никакого отношения к “ваххабитам” партия не имела. С лета 1998 г. ее члены, большинство которых в Узбекистане составляли молодые люди, стали подвергаться арестам. К моменту совершения террористических актов в Ташкенте под следствием находились несколько десятков членов “Хизб ут-Тахрир”. Однако после взрывов число арестованных возросло многократно и к июлю 1999 г. только присягнувших членов партии в тюрьмах и СИЗО находилось более 1500 чел. Поскольку большинство членов партии отказывалось раскаться и отречься от своих религиозных и политических взглядов, их подвергали жесточайшим пыткам, а несколько человек были умерщвлены сотрудниками милиции и СНБ столь отвратительными способами, что нельзя без содрогания читать соответствующие описания.

Для осуждения на сроки от 10 до 20 лет не требовалось совершать какие-то особо тяжкие преступления, достаточно было иметь дома два экземпляра листовок “Хизб ут-Тахрир”, осуждающих репрессивную политику Каримова (последний именовался в этих листовках “еврейским кафиром”).

Что же выяснилось в результате расследования, продолжавшегося более полугода? Во-первых, то, что организации с названием “Хезболлах” в Узбекистане просто не существует. Во-вторых, то, что принципиальной позицией партии “Хизб ут-Тахрир” является отказ от насильственных форм борьбы за власть. В-третьих, то, что хотя слово “джихад” действительно присутствует в документах партии, но упоминается оно применительно лишь к той

стадии, когда Халифат уже будет существовать на государственном уровне (объединив страны исламского мира). Иначе говоря, ни о какой подготовке джихада со стороны “Хизб ут-Тахрир” в обозримой перспективе речь не идет и идти не может.

Косвенным подтверждением того, что узбекские власти частично признали свою ошибку, является освобождение в сентябре нескольких десятков рядовых членов партии, приговоренных несколькими месяцами ранее за “антигосударственную деятельность” к 10-15 годам лишения свободы.

Где готовят за рубежом “исламских боевиков” для Узбекистана?

Еще один важный вопрос, при обсуждении которого правда нередко переплетается с ложью, это вопрос о т.н. лагерях по подготовке “исламских боевиков” за рубежом. В заявлениях официальных лиц Узбекистана говорится о том, что “исламские экстремисты” активно вербуют узбекскую молодежь для обучения в специальных “террористических лагерях” в Пакистане, Афганистане, Таджикистане и Чечне. В 1998-1999 гг. в прессе в качестве мест обучения “исламских террористов” упоминались также Казахстан, Кыргызстан и Саудовская Аравия.

Существование до недавнего времени лагерей в Таджикистане (под командованием Джумы Намангани) и в Чечне, где прошли боевую и диверсионную подготовку в общей сложности несколько десятков выходцев из Узбекистана, не вызывает сомнений. Сомнение, однако, вызывает утверждение, что “хорошо экипированные боевики” засылались из этих стран в Узбекистан с конкретными террористическими заданиями. Изучение материалов наиболее известных уголовных дел 1998-1999 гг. показывает, что конкретные задания по совершению террористических актов перед прошедшими боевую подготовку “партизанами” не ставились. Не назывались им и сроки “начала джихада”. Более того, в большинстве случаев возвращающиеся из военных лагерей молодые люди не обеспечивались даже минимально необходимым для террористических целей вооружением.

Насколько известно автору, в Чечне оружие прошедшим обучение по завершении подготовки не выдавалось. Некоторые молодые люди, возвращаясь домой, покупали на Северном Кавказе пистолеты за счет личных средств, но этого явно недостаточно, чтобы говорить о каких-то засылаемых “хорошо экипированных террористах” из Чечни. Несколько лучше экипировались возвращающиеся из Таджикистана. Так, у группы из четырех человек, задержанных в ноябре 1997 года на территории Южного Кыргызстана, был изъят один автомат и 6 кг взрывчатки. В целом, однако, не только взрывчатка и автоматическое оружие, но и

обычные пистолеты изымались при арестах у прошедших боевое обучение лишь в небольшом числе случаев. Что касается типичных для Узбекистана историй с “обнаружением” у активных мусульман нескольких патронов или одной гранаты, то это относится скорее к практике фабрикации уголовных дел, чем к угрозе терроризма.

Менее очевидным выглядит вопрос о подготовке “исламских террористов” в Пакистане. В феврале 1998 года МИД Узбекистана в специальной ноте заявил об обучении до 400 боевиков “в подпольных учебных центрах” на территории Пакистана. Подробное изложение ноты было передано ведущими информационными агентствами мира. Власти Пакистана полностью отвергли выдвинутые обвинения, но для внешнего мира это прозвучало не слишком убедительно.

С тех пор прошло более полутора лет. К каким же выводам можем мы прийти сейчас? Ни один террорист, прошедший обучение в Пакистане, спецслужбами Узбекистана или других государств СНГ не обнаружен. Что касается фамилий нескольких человек, упомянутых в ноте, то они действительно выезжали в Пакистан в начале 90-х годов, но не для боевой подготовки, а для обучения на курсах да’ватчи (т.е. исламских проповедников). Пригласившая их в Пакистан организация “Да’ват таблиг” подозрений у спецслужб не вызывает. Чтобы скрыть очевидную подтасовку, узбекские “эксперты” при составлении ноты использовали расплывчатый термин “прохождение спецподготовки”. Со стороны трудно понять, о чем идет речь: под это определение подходят и террористические лагеря, и обычные религиозные школы. Хотя, конечно, нельзя исключать, что отдельные, невыявленные пока спецслужбами граждане Узбекистана прошли военную подготовку в Пакистане, в целом, миф лопнул, и о 400 террористах из Пакистана никто больше не вспоминает.

Что касается подготовки “узбекских боевиков” в Афганистане, до недавнего времени никакой конкретной информации об этом не публиковалось. Отсутствуют материалы по этому вопросу и в многочисленных судебно-следственных документах, с которыми имел возможность ознакомиться автор. Последние газетные публикации свидетельствуют о связях Джумы Намангани и Тахира Юлдашева с талибами, и о том, что некоторые бойцы из отряда Намангани прошли подготовку в Афганистане. Но, подчеркнем, речь

идет о “кадровых бойцах” отряда, а не о новобранцах из Узбекистана, которых бы потом засылали на родину с террористическими целями.

Заявления о “террористических лагерях” в Кыргызстане и Саудовской Аравии вообще не подкреплены конкретной информацией и в целом, по мнению автора, не соответствуют действительности.

Завершая этот обзор, нельзя не упомянуть курьезный случай, когда летом нынешнего года по наводкам узбекского СНБ казахстанский спецназ и внутренние войска были брошены для ликвидации лагеря “исламских террористов” в Джамбулской области. Сотни вооруженных солдат захватили дом отдыха, в котором последователи одного из исламских течений (не “ваххабитского”!) проводили занятия для примерно 70 верующих, включая женщин и несовершеннолетних детей. Никакого оружия или экстремистских воззваний при этом обнаружено не было. Тем не менее некоторые российские газеты сообщили о задержании 60 “вооруженных ваххабитов”.

Некоторые мысли о войне на юге Кыргызстана

Не могут не вызывать сожаления нынешние трагические события на юге Кыргызстана, приведшие к человеческим жертвам. Причем, по моему глубокому убеждению, трагическими эти события являются не только для жителей Кыргызстана, но и для тех, кого в киргизской печати называют “совершившими акт агрессии международными бандитами”.

Во многих газетных статьях утверждается, что события в Южном Кыргызстане вызваны исключительно агрессивными действиями исламских экстремистов. Последние, мол, ни с того, ни с сего вдруг развязали вооруженную борьбу, руководствуясь желанием захватить власть или, по некоторым версиям, с целью обеспечить безопасную трассу для наркотранзита. На страницах газет рисуется масштабный демонический образ Джумы Намангани, который, как теперь выясняется, и крупный наркоделец, и бывший главарь воровской шайки и т.п. Якобы он располагает многотысячным войском, бронетехникой и даже современной системой ПВО!

Конечно, сейчас, в разгар боев, установить истину трудно. Однако рискнем напомнить некоторые факты и высказать некоторые предположения.

Сначала – о Джуме Намангани. До недавнего времени он был мало примечательным для Таджикистана полевым командиром. Численность его отряда, базировавшегося в районе Тавильдары, по данным на прошлый год достигала 200-250 человек. Особенностью отряда, иногда называемого “наманганским батальоном”, было то, что его костяк составляли выходцы из узбекского города Намангана – в основном, бывшие члены организации “Адолат”, запрещенной в Узбекистане в марте 1992 года. Одним из бежавших в то время в Таджикистан и был Джума Ходжиев (Намангани). Другой – Тахир Юлдашев, ныне являющийся амиром созданного эмигрантами года три назад Исламского движения Узбекистана.

Намангани непосредственно руководил отрядом, воевавшим на стороне таджикской оппозиции, а Юлдашев выполнял функции

политического лидера, нередко выезжая из Пакистана в другие исламские страны в поисках политической и финансовой поддержки.

Вопреки утверждениям отдельных журналистов, в период проживания в Узбекистане ни Юлдашев, ни Намангани не были членами каких-либо воровских или преступных шаяк. Более того, движение “Адолат”, в которое они входили, по согласованию с местными властями как раз и занималось борьбой с воровством, проституцией и уличной преступностью. И надо сказать безуспешно...

Теперь, что касается последних событий. Несмотря на возможные резкие оценки со стороны своих киргизских друзей, рискну предположить, что в августе этого года Намангани и его люди оказались в безвыходной ситуации. С одной стороны, решение комиссии по национальному примирению в Таджикистане обязывало их разоружиться до 24 августа. С другой стороны, примерно в это же время под давлением Узбекистана таджикские власти приняли решение о “добровольном возвращении” на родину граждан Узбекистана. Сама фраза о “добровольном возвращении” отдавала лицемерием. Если около 1700 узбекских граждан бежали в Таджикистан, спасаясь от арестов, пыток или просто физического уничтожения узбекскими спецслужбами (а такие случаи известны), то о каком “добровольном возвращении” могла идти речь? Разоружившись, отряд Намангани передал бы свою судьбу целиком в руки таджикских властей, которые не очень-то горели желанием портить отношения с не стесняющим себя в политике цивилизованными рамками северным соседом.

И узбекские эмигранты-исламисты выбрали другой путь. Они решили прорываться на Родину с оружием в руках, объявить о начале джихада, рассчитывая, и надо сказать – небезосновательно, что смогут найти поддержку среди населения собственной страны. Конечно, кто-то им помогал, существовали и зарубежные контакты, уже несколько лет в отряде работали инструктора из арабских стран... Но, рискну предположить, что не этот иностранный фактор был решающим.

Массовые репрессии в Узбекистане как фактор дестабилизации

Чтобы понять, что заставляет часть узбекских мусульман встать на путь вооруженной борьбы с государством, необходимо хотя бы вкратце обрисовать внутреннюю ситуацию в Узбекистане.

Не буду писать сейчас о развале экономики, падении жизненного уровня, тотальной коррумпированности властей, преследовании инакомыслия и произволе правоохранительных органов. Подобные тенденции в той или иной степени существуют во всех государствах СНГ, хотя в Узбекистане все они, на мой взгляд, приняли гипертрофированные формы.

Звучит абсурдно, но в условиях нарастающего кризиса отнюдь не “фундаменталисты”, а сами узбекские власти из года в год раскачивали ситуацию, постоянно усиливая масштабы гонений против мусульман - под разговоры о необходимости “сохранять в переходный период общественную стабильность” и т.п..

Если говорить об арестах только в мусульманской среде, то в 1992 году “врагами народа” стали активисты Исламской партии возрождения и движений типа “Адолат” (последние в некоторых своих действиях действительно выходили за рамки действующих правовых норм), позднее пришла очередь сторонников муфтия Мухамада-Содика, лидеров оппозиционных общин и тех, кто пытался выступить в их защиту. Еще позже пошли аресты тех, кто носил “подозрительную бороду” или был замечен в посещении уже не действующих “ваххабитских мечетей”, хотя бы и пять лет назад. Когда в Намангане выросла волна преступности, брать стали списками, включающими сотни фамилий. В большинстве случаев никто не собирался доказывать вину задержанного в совершении конкретного преступления. Милиция либо пытками вынуждала взять вину на себя, либо подбрасывала патроны и наркотики. Из зон почти никто не возвращался, поскольку сроки заключения “неисправимым фундамента-листам” продлевались по два-три раза.

С мечетей сначала сняли звукоусиливающие устройства, потом

закрыли мечети “ваххабитских” общин, а в 1998 году власти пошли на закрытие 80 процентов действующих в стране мечетей, а преподавание ислама без государственной лицензии объявили уголовным преступлением. Молодые люди стали бояться посещать мечети, чтобы не попасть на заметку правоохранительных органов. За ношение закрывающего волосы платка студенток отчисляли из вузов. Чтобы поехать в хадж, верующим с 1995 года надо было пройти государственную комиссию, где от 80-летних стариков требовали перечислить работы Каримова или прочесть текст государственного гимна...

В 1998-1999 гг. репрессии в отношении верующих приняли масштабы, сопоставимые со сталинскими чистками 30-х годов. В специальных списках МВД в число “фундаменталистов” попали те, занимался челночной торговлей с Турцией, Ираном, Пакистаном или арабскими странами, те, кто недавно сбрил бороду, имел двух жен и т.п. После взрывов 16 февраля милиция провела своего рода микроперепись населения, включив в списки потенциальных исламских террористов всех мужчин в возрасте от 18 до 35 лет, отсутствующих по месту постоянной прописки. В апреле Каримов заявил, что к уголовной ответственности будут привлечены отцы “экстремистов”, находящихся в розыске. И первые из них, насколько известно, уже отправлены в лагеря. Впрочем, арестам и иным формам преследований в массовом порядке подвергаются и другие родственники “подозреваемых в ваххабизме”.

Десятки тысяч жителей не по своей воле оказались в положении “врагов государства”. Поскольку судебная машина не справляется с таким потоком арестованных, фактически введено упрощенное судопроизводство. В нарушении процессуальных норм обвинения в антигосударственной деятельности теперь рассматриваются районными судами, которые выносят приговор за 1-2 дня. А в отдаленной пустынной зоне Каракалпакстана в режиме повышенной секретности строится огромный концентрационный лагерь для “религиозных экстремистов”, которых отправляют туда без права свиданий и откуда уже в этом году родственникам поступает большое число трупов умерших...

Нетрудно понять, что подобного рода действия властей дестабилизируют ситуацию значительно сильнее, чем любая “ваххабитская” проповедь. Суды и похороны погибших теперь нередко превращаются в открытые антиправительственные манифестации. Страна за считанные месяцы оказалась наводненной десятками тысяч листовок с описанием преступлений каримовского режима против мусульман. Резко возросло число насильственных инцидентов. Если в 1998 году зоной нестабильности считалась, главным образом, Наманганская область, то теперь это вся Ферганская долина, Ташкентский и Хорезмский регионы. Об эволюции общественного сознания наглядно свидетельствует такой эпизод. Школьного возраста сын одного из осужденных по сфабрикованному обвинению наманганцев в прошлом году заявил посетившим семью представителям правозащитных организаций: “Я не знаю, кто такие “ваххабиты”, но если они против Каримова, пусть дадут мне автомат и я буду воевать вместе с ними. Отомщу за отца”.

По моим оценкам, степень взаимной конфронтации между властью и обществом в ряде регионов Узбекистана приблизилась к критической отметке, за которой может последовать начало гражданской войны. Не исключено, что следующий год станет в этом плане решающим.

Закончить статью мне хотелось бы напоминанием, в общем-то, очевидным, но о котором нередко забывают: прежде чем делать “глубокомысленные заключения” об угрозе “ваххабизма” и “исламского экстремизма”, неплохо было бы проанализировать имеющиеся в нашем распоряжении конкретные факты. И, право, в этих вопросах не стоит всегда доверять официальным сообщениям...

Автор будет признателен за любые замечания или дополнения.

E-mail: VPonomarev@mtu-net.ru